

МАТЕРИАЛЫ ДИСКУССИИ О ПРОБЛЕМАХ ИТОГОВОЙ АТТЕСТАЦИИ ШКОЛЬНИКОВ

13 апреля 2005 года в Высшей школе экономики состоялось заседание Российского общественного совета по развитию образования (РОСПО) на тему «Проблемы итоговой аттестации школьников». На заседании выступили руководители образовательных ведомств из разных регионов страны, ректоры вузов, директора школ, учителя, преподаватели, ученые. Предлагаем вашему вниманию выдержки из выступлений участников дискуссии.

О проблеме приукрашивания итогов аттестации (из выступления Я.И. Кузьмина, ректора ГУ-ВШЭ, сопредседателя РОСПО)

Приукрашивание итогов аттестации школьников — общественный факт, который обычно замалчивается. Единый государственный экзамен показывает, что примерно 20% учащихся не справляются с базовыми заданиями. Тем не менее мы регулярно выставляем этим детям удовлетворительные оценки. Из них почти половина (не меньше 40%, по нашим оценкам) поступает потом в высшие и средние специальные учебные заведения, где программа рассчитана на тех, кто владеет базовыми знаниями по математике, русскому языку и другим основным школьным предметам.

Так начинается цепочка компромиссов, о которых знает каждый преподаватель (и общей, и профессиональной школы). Она может быть такой: «Петя — спортсмен или музыкант. Ну не понимает он математики! Но давайте мы ему все-таки «тройку» поставим». Или такой: «Жалко человека. Он старался, но не тянет». В результате получается псевдообразование, когда обе стороны — и ученик, и учитель — согласны имитировать процесс, может быть, не полностью, но в важных элементах.

Проблему итогов аттестации давно пора решать. Мы думали, как лучше это сделать: предлагать пути исправления «брака» школы (в терминологии советского времени) или привлечь к проблеме внимание общества и начать дискуссию. Нам показалось правильным начать с последнего, потому что институционально закрепленная ситуация воспроизводящейся неправды, завышения оценок очень сильно деформирует образовательный процесс и дискредитирует российское образование в целом.

Есть и еще одна причина, обусловившая необходимость общественной дискуссии. Сегодня общество в долгу у школы. В ре-

зультате обделенными остаются дети. Суть необходимой сегодня реформы в том, что она должна восстановить образование как таковое в многочисленных секторах, когда преподаватель перестает выполнять свою профессиональную «клятву Гиппократ», в переводе на учительский язык означающую необходимость видеть в классе не перечень фамилий, а людей с талантами и слабостями. Начинается профанация. Преподаватель обязан не только отработать в классе, но помочь тому, кто после его работы не усвоил материал, и тому, кто перерос уровень урока. Это принцип и для школы, и для техникума, и для университета.

Умение работать неформально, видеть в этом свою миссию позволяет понять, кто внутренне встроен в образование, а кто случайно сюда попал и остался внутренне чуждым.

Решить эту проблему можно, поставив во главу угла восстановление материальных условий существования учителя. Если сегодня преподаватель не остается после уроков, это не значит, что он не хочет честно выполнять свои обязанности. Просто ему платят 150 долларов вместо необходимых 400, и он должен иметь время, чтобы заработать для своей семьи недостающие деньги. И мы, как общественный совет, должны доказывать обществу, что нужно больше вкладывать в образование. Однако параллельно необходимо работать и внутри сообщества, отделяя людей, заведомо чуждых нашей «клятве Гиппократ», относящихся к своей миссии как наемники.

Об оценках учащихся средней школы в условиях введения Единого государственного экзамена (из выступления В.А. Болотова, руководителя Федерального агентства по надзору в сфере образования)

Давайте проанализируем результаты экзаменов. В 2003 году — около 15% «двоек» по математике. Значит, столько учеников не решили минимум задач, составленных нашими экспертами, авторами «контрольно-измерительных» материалов.

В 2004 году математика в большинстве регионов была обязательной в форме ЕГЭ. График, отражающий результаты экзамена, демонстрирует два пика, хотя обычно бывает один. Чем это вызвано? Второй пик — результаты детей, которых обязали сдавать математику в форме ЕГЭ. Это и спортсмены, и музыканты, и разгильдяи. В результате, когда для большинства субъектов Федерации математика стала обязательным предметом, получилось 19,5% «двоек».

Экзамен по русскому языку в большинстве субъектов Российской Федерации был необязательным, поэтому и результат более благополучный: «двоек» чуть больше 7%. Почему? Русский язык выбирают многие дети, поступающие в инженерные вузы, где действует бинарная система — зачет/незачет. Они выполняют задания на «тройку», и им этого для зачета хватает. Примерно то же самое мы наблюдали в 2004 году, правда, «пятерок» чуть больше, потому что стали больше использовать форму эссе.

Когда в 2004 году+ были получены такие результаты по математике, родители, общественность, школьники стали требовать отмены этого экзамена или просили сделать несколько вариантов экзамена: один для тех, кто изучал математику по трехчасовой программе; другой — для тех, кто учился по пятичасовой, и третий — для тех, кто занимался по семичасовой программе. Но кому нужен первый или второй вариант? Очевидно, вузы будут ориентироваться только на сильный Единый экзамен.

Что можно сделать в такой ситуации? Двадцать процентов «двоек» для нас вовсе не открытие. По экспертным оценкам учителей, в выпускном классе именно такой процент ребят не справятся с математикой, если спрашивать объективно. Это подтверждается и данными мониторинга: 15–20% детей не осваивают наших стандартов по любому предмету, и международной практикой: успеваемость примерно 20% детей во всем мире ниже удовлетворительного уровня (по всем предметам). Но если во Франции или Великобритании аттестаты в полной школе получают 80% и они каждый год борются за повышение на 1%, то у нас их выдают 99,9% выпускников. Наш аттестат, как и во Франции, и в Великобритании, является необходимым условием для тех, кто хочет продолжать обучение в высшем учебном заведении.

Итак, если честно проверять знания по предметам, то 20% не освоивших — это норма. Что же нам делать в сложившейся ситуации? В разных регионах, когда мы обсуждали эту ситуацию в профессиональном сообществе, было высказано несколько вариантов ответа.

Первое решение (самое примитивное): выдавать на 20% аттестатов меньше. К чему это приведет? Ребята потеряют и право на продолжение образования, и возможность получить многие рабочие специальности и должности. (Есть специальная справка, в которой дан перечень специальностей, которые требуют полного общего образования. Мало нам монетизации, надо еще объявить о том, что 20% выпускников аттестаты не получат!)

Второе решение. Поскольку на оценки в аттестате никто не обращает внимания, потому что никто не понимает, что за ними стоит, выдача аттестата означает лишь то, что человек одиннадцать лет проучился в учебном заведении и может попытаться поступить в высшее учебное заведение. Т.е. он получает аттестат, его права соблюдены, а поступает он в вуз или нет — зависит от того, сколько баллов он набрал на Едином экзамене. Есть вузы, которые принимают абитуриентов со школьными «двойками», объясняя это тем, что на эти специальности никто не идет. В школе ставят «двойку» за 35 баллов, а они принимают с десятиью. Представляете, какие там специалисты получают!

Третий вариант — дать школьнику выбор, сдавать ему выпускные экзамены в традиционной форме или в форме Единого экзамена. Не хочет выпускник поступать в вуз — пусть в традиционной форме сдает, хочет поступать — пусть сдает Единый государствен-

ный экзамен. Сколько баллов набрал — столько набрал. Таким образом, ситуация выбора эти 20% снимет.

Были горячие головы, которые предлагали вообще убрать обязательные экзамены, и пусть ребенок все выбирает: хочет сдавать физкультуру, труд и т.д.— пусть сдает, никаких обязательных экзаменов. Хотя мировая практика показывает, что родной язык и математика в большинстве стран мира являются обязательными, т.е. предложение убрать математику как обязательный экзамен, с точки зрения многих, неправильное.

И последнее предложение: пусть русский язык будет обязательным для всех групп, а другие экзамены — с учетом профиля. Если физмат и инженерный профиль — математика, у гуманитариев — история России, например.

Но каждое решение — это сильное изменение существующей практики, и тут очень важно просчитать последствия и понять, какой результат мы получим через пять-десять лет. Ведь школа очень сильно реагирует на то, как и по каким параметрам оценивают ее работу. Когда в вузах на вступительных испытаниях перестали спрашивать стереометрию, она, по сути дела, исчезла из школьных программ. Другой пример: в гуманитарных контрольно-измерительных материалах в рамках Единого госэкзамена потребовали писать работу по сопоставлению двух оригинальных текстов. И хотя этого не было в практике ни у историков, ни у обществоведов, сейчас школы активно используют такую форму работы: детям дают два текста и просят написать рассуждение о том, в чем авторы текстов согласны, в чем нет, чем они различаются и почему.

Поэтому решение вопроса о перечне обязательных предметов в форме ЕГЭ будет иметь серьезные последствия.

Оценивание государства учащимися средней школы (из выступления Е.А. Бунимовича, председателя комиссии по образованию Московской городской думы)

Мне кажется, достаточно огласить название моего выступления — и больше уже почти ничего говорить не надо.

Действительно, экзамен — это не только оценивание государством, профессиональным сообществом учащихся, но и наоборот — одна из первых обязательных встреч учащихся с государством, с правилами, которые оно предъявляет. Когда дети приходят в первый класс, их можно во многом обмануть, а когда подростки сталкиваются с экзаменами, ситуация совсем другая. И в этом смысле аспект обсуждения экзаменационной системы и схемы, взгляд и ракурс принципиально меняются.

Не случайно ЕГЭ обсуждался с точки зрения вступительных экзаменов в вуз, а не как выпускное испытание. Более того, экзамен после 9-го класса (несмотря на то что у нас, по Конституции, девятилетнее обязательное образование и государство именно в 9-м классе должно предъявить свои требования) обсуждается еще меньше.

Экзаменационная система никогда не была сильной стороной советского образования, да и не могла быть, — с этим не спорят даже его самые активные апологеты. Нам нужна другая, в сравнении с советской, экзаменационная система. В начале перестройки для одного известного европейского образовательного журнала я писал статью по поводу нашей экзаменационной системы и решил поинтересоваться в Министерстве образования: а где итоги? Еще не дойдя до министерства, я понял, что, скорее всего, их нет. Потому что они были никому не нужны: что спрашивали, то и получали. Если во всей стране не было ни одной «двойки» по математике, то дальше говорить было не о чем. Это был экзамен с заранее известными результатами. Матч, в котором счет на табло появлялся до начала игры. Поэтому вопроса, как «замерить» образование, конечно, не возникало.

Это и понятно. Идеология «три пишем, два в уме» приводила к тому, что «двойка» на экзамене воспринималась как прямое диссидентство. Если кто-то ее ставил, это было ЧП, и даже не районного, а областного масштаба. Более того, хочу напомнить, что на рубеже 1970–1980 годов. Ростовская область вышла с вполне естественным социалистическо-коммунистическим предложением учиться без «троек». Естественно, за год-два она реализовала это предложение, и вся система свелась только к двум отметкам. Я думаю, государство рухнуло как раз в тот момент, когда кто-то готовил идею образцово-коммунистического города, в котором дети учились бы уже без «четверок». Результат тоже был бы достигнут за год-два — это нетрудно.

Каким образом этого добивались? Профессиональной аудитории это не нужно объяснять. Все прекрасно знают, как вызывались люди переписывать экзаменационные работы в школе, как с удешевлением шариковых ручек стали закупать одинаковые, чтобы исправлять ошибки незаметно. Хотя незаметно для кого, тоже уже не очень понятно.

Государство предлагало каждому школьнику ситуацию постоянных махинаций. Предъявлялся запечатанный конверт с печатью, пломбой, после чего начиналось все то, что начиналось.

Я тоже участвовал в этом процессе — готовил несколько лет варианты экзамена по математике для 11-го класса. Помню такой эпизод. Я приехал в город Петрозаводск читать лекцию учителям. Дело было в июне, когда там писали экзамен по математике. Выяснилось, что последнюю (шестую) задачу, которую, по моим соображениям, в Москве должны были решить 10% выпускников, а по стране — 5%, в Петрозаводске и в области не решил вообще ни один ученик. Учителя не знали, что я готовил эти материалы (это была закрытая информация), и рассказали мне об этом случае. Решили задачу в Петрозаводском университете, что еще раз говорит о том, что математическое образование в России все-таки в университетских центрах держалось. После чего все медалисты в Петрозавод-

ске, как вы понимаете, тут же ее одолели. Я говорил, что шестую задачу вообще можно не решать — за пять задач ставили «пять» (это ведь тоже была новация). Все равно в регионах учителя не могли поверить, что ученику в нашем образцовом государстве дано право на ошибку, и считали, что на всякий случай надо решить все шесть задач, хотя ни они сами, ни ученики сделать этого не могли.

Поэтому, когда мы обсуждаем результаты международных исследований TIMMS или PISA, можно говорить, что не те, не так и не то спрашивают, что мы не так учим и т.д. Но ответ один: а где ваша PISA, уважаемые граждане бывшего СССР, которые защищают эту самую систему?

Вот почему я считаю, что Единый государственный экзамен в любом случае полезная идея. Других адекватных этому предложений у нас пока нет. И те 20%, о которых сегодня хотя бы в этой аудитории говорится ясным языком, — это проблема. Что они означают? Не так преподаем? Непосильный материал? Или не так меряем? А может быть, все нормально и тогда нужно думать, что с этой «нормой» делать? Это классический вопрос. Каждый, кто был в Царскосельском лицее, видел «ноль» по математике в итоговой ведомости Пушкина. Непонятно, почему у Пушкина мог быть «ноль» по математике, а ни у одного нашего троечника даже «двойки» быть не может.

Мы уже говорили о том, как во Франции борются за повышение результатов образования. Они ратуют не за процент, а за то, чтобы хорошо преподавать. И радуются, когда этот процент повышается. Они действительно думают, что делать дальше. И когда у них за десять лет немножко повышается процент, искренне радуются, а если не повышается, честно анализируют процесс; могут даже снять министра образования, как случилось несколько лет назад, когда учителя вышли на площадь Бастилии.

Это очень важный акцент: не бороться за процент, а думать о том, как преподавать, и смотреть, что происходит с этим самым процентом. Уровень гласности у нас, конечно, повысился. Если раньше идея «три пишем, два в уме» передавалась только устно, на кухне или в учительской, то теперь все записано в государственной инструкции: «Если у вас получается «два» в ЕГЭ, ставьте «три» в итоге». Это message, который нам посылает государство. Это «послание» государства сегодняшнему школьнику.

Возникает вопрос: а какой уровень правды может выдержать общество? Ведь наше новое общество, как мы понимаем, подростковое. Со всеми вытекающими последствиями. Я думаю, если мы донесем до всех мысль, что 20% не освоивших программу — это нормально (потому что во всем мире картина примерно такая же), то люди станут думать о том, что делать дальше.

Нужны ли выпускные экзамены в школе? Думаю, да. У нас общество не протестантской этики, и поэтому заставить наших оболтусов учиться до мая, когда они знают, что не будет школьного эк-

замена, не будет никакого ритуала, представляется мне непосильным делом. Кроме того, экзамены — это традиция, и я не уверен, что сегодня ее следует отменять.

Какие экзамены должны быть? Это тоже традиция. Русский, литература и математика — стержень нашей школы, и от этого уходить не стоит. Другое дело — какие требования предъявлять, какую литературу сдавать и т.д.

Документ по окончании школы выдавать надо. Это некоторый знак: человек проучился в школе десять и одиннадцать лет и вряд ли у него по всем предметам «двойки». Это некоторый ценз, статус — совсем другое, чем девятилетнее образование. Кроме того, аттестат можно показать детям, еще лучше — внукам, которые вообще забудут, что когда-то кто-то сдавал экзамены.

То же самое с медалями. Я категорически против того, чтобы медали отменить как факт. Их еще приятнее показать детям и внукам, и это тоже традиция. У каждой школы есть лидеры, и пусть они получают свои медали. Это как дворовая команда: она же не обязана побеждать на Олимпийских играх, но у себя во дворе они выиграли!

Льготы — другой вопрос. Я никоим образом не касаюсь вступительных экзаменов — это отдельная тема.

О механизме измерения качества образования (из выступления В.Н. Аверкина, председателя комитета образования Новгородской области)

Существующую систему аттестации выпускников школ нельзя квалифицировать иначе, как всеобщий обман или самообман учащихся, родителей, педагогов. Все это давно знают, видели, но не хватало смелости об этом говорить.

Ведь на самом деле не 15–20% детей не справляются с заданиями по математике на ЕГЭ. Как быть с теми, кто пошел в систему начального профессионального образования, кто поступил на работу и не стал получать среднего полного образования? Какой уровень знаний обнаружили бы они, если бы мы их проверили? А каковы результаты экзаменов по выбору? Из 1000 выпускников биологию или химию выбирают всего 10–15 человек. Что говорить об усвоении этого предмета остальными ребятами?

В концепции модернизации образования до 2010 года говорится о доступности, качестве, эффективности и ничего — об «измерителе» образования и его результате. Без измерителя доступности мы получили беспризорность и безнадзорность. Ни один регион не может похвастаться, что у них действительно 100% детей в соответствии с Конституцией получают основное образование. Потому что нет механизма, уточняющего, кого считать: кто зарегистрирован на территории, кто пришел в школу или кто не пришел. Поэтому сначала надо навести порядок: определиться, кого считать и при каких условиях, какую оценку делать исходя из этого.

Мы начали модернизацию образования, но каков механизм измерения его качества? У нас пятибалльная система, но все знают, что «пятерка» «пятерке» рознь, и при этом мы по-прежнему ее выводим и ничего другого не придумали. Мы у себя в области попытались ввести критериальные оценки по качеству образования.

Вот аккредитивный показатель муниципального образовательного учреждения — сельской школы деревни Ильина Гора Демьянского района (заполненная председателем аттестационной комиссии в ходе аттестации для установления категории ОУ):

Всего учащихся — 37

Всего педагогических и руководящих кадров — 10

Основная школа

# п/п	Содержание показателя	Балл	Среднеобластной показатель (в %)	Средний показатель ОУ	"+" "-"
1	2	3	4	5	6
в последней графе:					
<ul style="list-style-type: none"> ■ знаком «+» отмечается показатель не ниже среднеобластного ■ знаком «-» отмечается показатель ниже среднеобластного 					
Качество подготовки выпускников					
1*	Процент успеваемости выпускников начальной школы	4	99,97	100,0	+
2	Средний процент выполнения тестовых заданий в 4-м классе по русскому языку	2	64,90	65,0	+
3	Средний процент выполнения тестовых заданий в 4-м классе по математике	2	70,13	75,0	+
4	Процент учащихся, подтвердивших и улучшивших школьную отметку по результатам тестирования в 4-м классе по русскому языку	2	71,73	100,0	+
5	Процент учащихся, подтвердивших и улучшивших школьную отметку по результатам тестирования в 4-м классе по математике	2	82,46	100,0	+
6*	Процент выпускников начальной школы, подтвердивших хорошие и отличные отметки по итогам обучения в 5-м классе	5	94,09	100,0	+
7	Процент учащихся, занимающихся иностранным языком в начальных классах	1	61,64	77,8	+
8	Процент учащихся, занимающихся информатикой в начальных классах	1	59,74	77,8	+
9*	Процент выпускников основной школы, получивших аттестаты без «троек»	3	31,55	66,7	+
	Процент учащихся 5–9-х классов, занимающихся по программам углубленного изучения предметов, не ниже установленной нормы	3	20,0	75,0	+
10	Процент учащихся 5-х классов, подтвердивших хорошие и отличные отметки по итогам обучения в 6-м классе	3	88,16	100,0	+

1	2	3	4	5	6
11	Средний процент выполнения выпускниками 9-х классов тестовых заданий при аттестации школы (учитывается лучший результат по одному из предметов): русский язык / история	2	28,49 / 29,62	30,17	+
12*	Процент выпускников 9-го класса, продолжающих обучение	3	98,91	100,0	+
13*	Процент организованного адаптивного обучения	3	73,98	100,0	+
14*	Процент успеваемости в 5-9-х классах	3	99,89	100,0	+
15*	Наличие призовых (1-3) мест на городских и районных предметных олимпиадах	3	да (нет)	да	+
16*	Наличие призовых (1-3) мест на областных предметных олимпиадах	3	да (нет)	нет	-
	Общий итог по разделу	45,0 42,0			

* обозначены показатели, которые считаются за три предшествующие аттестации года

Откуда берутся среднеобластные показатели? Ежегодно школа проверяет себя по этой формуле, фиксирует свои результаты, сдает их в муниципальный отдел образования. Муниципальный отдел образования сдает данные в комитет, и таким образом мы подсчитываем по ним среднеобластной показатель. А когда выходим в образовательные учреждения, смотрим, как результаты образовательного учреждения сопоставляются со среднеобластными.

Показатели проверяются за три предшествующих года. Это важно. Мы проверяем, как эта школа подавала показатели в муниципальный отдел образования, не обманывает ли нас муниципалитет? Если показатели, которые муниципальный отдел сдавал в муниципалитет, совпадают и мы это зафиксировали в школе, значит, результаты достоверные.

Вот блок, отражающий воспитание и дополнительное образование. Я просил бы понять меня правильно: сегодня мы не измеряем уровень трудолюбия, нравственности, патриотизма и еще чего-то. Мы измеряем — посредством анонимного анкетирования родителей и учащихся — условия, в которых пребывает ребенок: хорошо ему или нет, беспокоят родителей вопросы курения или не беспокоят и т.д.

Такие же таблицы есть по информационно-техническому оснащению школ, кадровому обеспечению образовательного процесса, аттестации педагогических работников, наличию психолого-педагогических специалистов, обеспечению учащихся питанием.

Самый высокий результат, который может набрать школа, — 100 баллов. Данная школа набирает 93,3%. В результате школы получают категорию. Школы высшей категории получают 35% надтарифного внебюджетного фонда, первой категории — 30%, если нет категории, если школа просто прошла аттестацию и аккредитацию,

1	2	3	4	5	6
Воспитание и дополнительное образование					
17	% учащихся, не совершивших преступлений, от общего числа обучающихся в школе	1	99,65	100,0	+
18	% учащихся, не состоящих на учете в ПДН, от общего числа обучающихся в школе	1	99,06	100,0	+
19	% учащихся, занятых дополнительным образованием, не ниже установленной нормы	0,5	50,0	100,0	+
20*	Участие в областных мероприятиях	0,5	да (нет)	да	+
21*	Участие в областных предметных олимпиадах	0,5	да (нет)	да	+
22*	Творческие коллективы (объединения) школы были лауреатами и победителями различных районных конкурсов	0,5	да (нет)	да	+
23*	Творческие коллективы (объединения) школы были лауреатами и победителями различных областных конкурсов	0,5	да (нет)	да	+
24	Средний уровень физической подготовленности учащихся	2	24,87	25,8	+
25	% учащихся, принявших участие в городских (районных) соревнованиях (от общего количества обучающихся)	0,5	61,85	68,4	+
26	% учащихся, занимающихся в спортивных кружках и секциях (от общего количества обучающихся)	1	51,13	55,2	+
27	% учащихся, употребляющих табачные изделия (1 балл выставляется в случае отсутствия учащихся, употребляющих табачные изделия)	1	%	0%	+
28	Планирование и выполнение мероприятий по профилактике наркомании	0,5	да (нет)	да	+
29	Реализация превентивных образовательных программ по профилактике злоупотребления психоактивными веществами среди несовершеннолетних	0,5	да (нет)	да	+
	Общий итог по разделу	10,0	10,0		

получает, как и все, 25-процентный надтарифный фонд заработной платы. Т.е. мы ввели экономическую мотивацию для образовательных учреждений. Сейчас к этому процессу подвели и аттестацию руководителей образовательных учреждений. Если школа высшей категории, а директор и администрация ее не имеют, они тут же пишут заявление и им присваивается высшая категория. Если школа не имеет хороших результатов, а ее перспективный и хороший активный директор имеет высшую категорию, он тоже должен считаться с результатами своей деятельности и отказаться от высшей категории. Т.е. одно должно соответствовать другому: квалификация и результативность учителя, администрации, школы.

При этом нам не хватает «измерителей», и не только для субъектов Российской Федерации. Нет критериев, по которым мож-

но было бы сравнивать себя с другими субъектами Федерации. Необходимо изучать передовой опыт, уделять большее внимание тем предметам, по которым наши результаты ниже, чем у других. А для этого нужен анализ, нужны конкретные результаты, за которыми должны следовать управленческие решения.

Эта аттестация демонстрируется каждый понедельник на совещании при председателе комитета образования, и каждый специалист отслеживает, как данная школа развивается, а потом работает с представителями муниципального органа управления образования вместе с директором. Чем помочь? Может быть, нужно повысить квалификацию, или что-то подсказать, или поменять руководителя образовательного учреждения. Другого механизма, который позволил бы влиять на доступность и качество, я не знаю. Мы это сделали, я вижу возможности совершенствования этого механизма и был бы рад, если бы какой-нибудь институт или академия помогли нам в этом направлении.

Необходима единая система контроля знаний (из выступления А.И. Хлебтовой, первого заместителя начальника Главного управления образования и науки Калининградской области)

Мы все согласны, что итоговая аттестация в том виде, в каком она была, не аттестация. Отсюда может быть два вывода: либо ее вообще не проводить, либо проводить по-другому. Исходя из этого, мы вступили в эксперимент. В первый год было много сомневающихся, но мы решили сдавать математику, обязательную для всех, и часть предметов по желанию. По итогам первого года сомневающихся в необходимости этого эксперимента не осталось. Уже три года мы участвуем в нем, но в этом году у нас возникли проблемы, потому что и вузовские преподаватели, и учителя школ, и управленцы видят, что эксперимент так и остается экспериментом.

Калининградская область ввела обязательный экзамен по математике для учащихся вечерних школ. В первый год дети еще верили, что, если они напишут на «два», им поставят «три». С вечерниками у нас было 11% «двоек». Во второй год — уже 20% «двоек». Я присутствовала на экзамене, который сдавали учащиеся вечерней школы. Они радостно заполняли первый регистрационный бланк и с хохотом уходили. Они поняли, что можно без труда получить «тройку» и аттестат. Именно поэтому в этом году наша общественность обсуждает вопрос, нужно ли с «двойкой» выдавать аттестат и нужно ли это «+1» делать именно для двоечников. И дети, и педагоги, и родители убеждены: нет! Нельзя за незнание ставить «три» и выдавать аттестат. Как нельзя вводить ЕГЭ для тех, кто знает, и оставлять традиционную форму для тех, кто не знает. Это же откат назад! Если у нас будет выбор, мы никогда не узнаем правду о качестве образования и у нас никогда не будет движения вперед.

В связи с тем, что на территории нашей области ЕГЭ проводился достаточно широко, не от нас, управленцев, а от педагогов исхо-

дила идея изменить систему повышения квалификации. Также начинает развиваться сотрудничество с преподавателями высшей школы, которые поняли необходимость обучения учителей, экспертов и т.д. Мы все больше обращаем внимание на «двойки»-«тройки», а у нас ведь есть проблема и «четверок»-«пятерок». Нужен особый подход и к отличникам, к обучению в профильных классах. Т.е. необходима единая система контроля. Только тогда мы будем знать реальные результаты и сможем принимать решения, способные повысить качество обучения, и оценки.

Необходима дискуссия не об итоговой аттестации, а о современном содержании образования (из выступления А.Н. Тубельского, директора «Школы самоопределения»)

Мне не кажется, что в первую очередь надо бросаться решать проблему вранья при итоговой аттестации. Зачем нам это? Чтобы иметь объективные показатели по России? Опять же — зачем? Что мы будем с ними делать? Унифицировать, уравнивать всех выпускников можно, но мы и так это делаем посредством имеющегося содержания образования, ЕГЭ, аттестации школ...

На мой взгляд, начинать надо не с создания системы объективной аттестации качества образования, а с обсуждения, что есть образование, в чем его результат, насколько оно современно, а потом уже собирать данные, сетовать на то, что у кого-то чего-то меньше, больше и т.д.

Вранье происходит по крайней мере из-за двух причин. Первая: если напрямую связывать показатели работы школы с итоговыми экзаменами, совершенно очевидно, что школа будет врать. Можно создавать независимые комиссии, увозить ребят в другие регионы, экспертами окружать, но, как показывает опыт, это мало чему помогает. Все равно есть территории, которые «вылезают» по итогам ЕГЭ выше и Москвы, и Петербурга.

Есть второй тип вранья. Считаю, он правильный. Если человек делал 27 ошибок в диктанте, а стал делать 16 или 12 при норме 5, я как учитель договорюсь с коллегами, поставлю ему эту самую «тройку», потому что очевидны его усилия, продвижение. Ну и Бог с ним, что он делает эти ошибки.

Пока мы не определим, что есть общее образование, мы все время будем говорить о частностях. Я говорю об общем образовании. Человек способен продвигаться, делать над собой усилия, находить выход в непредсказуемых ситуациях, объединяясь для достижения общих целей с другими, и еще многое такое, что я называю «универсальным умением» в общем образовании (с большой поправкой это можно назвать компетенциями). Пока мы не сделаем это стержнем образования, пока мы не уйдем от узкого 14- или 12-предметного результата школьного образования, мы не сдвинемся с места.

Во-первых, все передеремся, потому что давно известно, что математик не уступит ни пяди, ни логарифма, литератор никогда не

скажет, что ему нужно меньше часов на «Войну и мир». А во-вторых, ну кто сказал, что человек, освоивший эти 12–14 предметов, получил свои «пятерки», «четверки», «тройки», — что он и есть подготовленный? К чему? Слава Богу, сейчас аттестат не называется «аттестатом зрелости». Просто «аттестат». И образование такое «средненькое», там написано. Но почему это есть результат общего образования? Что тут «общего»? Когда вузы призывают: отмените ЕГЭ, потому что у нас индивидуальный подход к абитуриенту и все такое, я говорю: конечно, это вранье, конечно, это ректорское лобби, потому что какие там индивидуальные подходы?! Если на психфак МГУ в первую очередь сдается математика, да еще по программе спецшкол, и все отсеиваются, остаются кто? Лучшие психологи, что ли? Высшее образование у нас тоже не индивидуализировано, кроме отдельных вузов. В среднем образовании нет индивидуального подхода, в высшем образовании — нет, и тем, что будем вырабатывать общие критерии (сколько «двоек», «троек», «пятерок» — 100 баллов, 200 баллов и т.д.), мы к этому не приблизимся.

Дело в другом. Среднему государству не нужны личности, индивидуальности.

Но обществу-то нужны индивидуальности, люди, которые могут находить неожиданные решения, мобильные в своей профессии, а это не всегда зависит от знаний. Обществу необходимы коммуникабельные люди, способные учитывать мнение другого. С помощью каких экзаменов, по каким предметам можно эти качества проверить? Я уже не говорю про информационную культуру. Можно проверить, умеет ли человек пользоваться Интернетом, но как узнать, сумеет ли он не только найти нужную информацию, но и использовать ее для своих целей? Никак. Еще труднее интерпретировать полученную информацию. Кто этому учит и где это учитывается, на каком экзамене?

Не уверен, что сегодня обществу нужна дискуссия по итоговым испытаниям. У людей много других хлопот. Но о том, чему надо учить наших детей, о содержании образования в современных условиях — говорить надо. Дискуссия по этому вопросу назрела давно. Общество надо воспитывать, чтобы оно поняло: нужны не полученные сорок лет назад знания, а иные — универсальные — навыки и умения.

Почему коммерция воспитывает потребителя? Товар еще не выпущен, а реклама уже кричит о том, что без него нельзя обойтись. Если общество спросить: «Общество, а общество, чему надо учить?», оно скажет: «Тому, чему я само училось». А про меняющийся мир, умение принимать решения, про подход к жизни как к задаче, про способность действительно по-новому работать с информацией — откуда наше общество про все это знает? Необходимо формировать иного потребителя услуг, а для этого нужна общественная профессиональная сила (вкуче со средствами массовой информации). Я всегда сомневался, что образование есть объект рынка, потому что потребитель этого рынка не обладает качества-

ми современного потребителя образовательных услуг. Он меряет образовательные услуги позапрошлыми годами, и это вполне естественно для любой страны.

Об отработке новых форм итоговой аттестации в Москве (из выступления А.Л. Семенова, ректора Московского института открытого образования)

ЕГЭ — реальность и для страны, и для Москвы, которую я здесь представляю. Важно подчеркнуть те аксиомы, на которых базируется Единый государственный экзамен: это соответствие целям образования и его развитию, независимость массового экзамена от конкретной школы и конкретного вуза. Помимо таких общественно-значимых целей есть и локальные, которые были использованы в рамках подготовки и реализации Единого государственного экзамена. Прежде всего, это совмещение итоговой аттестации и вступительных испытаний, снижение роли проверяющего за счет автоматизации оценки. Я подчеркну, речь идет не об учителе какой-то конкретной школы, а о любом проверяющем, поскольку трудно обеспечить одинаковый уровень квалификации, одинаковую систему требований для различных проверяющих. Это проверка всех элементов содержания, тренировка умения выбирать ответ и получать результат в жестких временных ограничениях. Изменение целей и результатов образования не являлось целью ЕГЭ.

Проводя ЕГЭ, мы исходим из целей образования и стараемся усилить позитивные черты российской системы образования, снизить негативные аспекты, которым посвящен сегодняшний разговор, учесть мировые тенденции, а также использовать технологическую базу, наработанную и в рамках Единого государственного экзамена, и в целом в системе автоматизации аттестации, в том числе для объективизации оценки.

Мы приступили созданию открытого банка заданий, сейчас для аттестации у нас есть такой банк, мы его используем. Он содержит очень широкий класс заданий, в том числе сдвигающих ситуацию в направлении следующего этапа в развитии образования. Например, в математическом образовании это и задачи на оценку и прикидку, и задачи по статистике вероятности. Но банк заданий содержит и все те задачи, которые войдут в варианты итоговой аттестации, традиционные для выпускных экзаменов. Мы работаем по открытой базе и по известной процедуре сборки вариантов.

Что касается того вопроса, который сегодня обсуждается. Я считаю, что разумным выходом является выбор максимально простых заданий и предоставление школьникам достаточного времени, чтобы они могли решать их без стресса.

В подготовительных материалах выделены уровни сложности, выстроена структура по разделам курса. Это дает учителю возможность эффективно организовать работу с этими материалами и ин-

тегрировать текущую аттестацию, прохождение материала и итоговую аттестацию. Нам кажется, здесь возможно и существенно большее использование новых технологий. В последние месяцы у нас прошел эксперимент: при текущей аттестации учащихся и учреждений использовались компьютерные средства оценки знаний и Интернет.

Технологически и содержательно регион Москвы сегодня готов к осуществлению независимого и объективного контроля знаний по математике. По существу это региональный вариант эксперимента по проведению Единого государственного экзамена, который мы готовы предложить вниманию министерства. Кроме того, имеются разработки по международному исследованию с учетом российской традиции математического образования, именно образования, а не приложений математики к жизни.

Оценка обществом работы школы — политический выбор (из выступления Л.И. Якобсона, первого проректора ГУ-ВШЭ)

Слушая сегодняшние выступления, я радовался тому, что мы научились обсуждать трудные вопросы. Всего три года назад разговоры о ЕГЭ маскировали под что-то другое, например, говорили, что КИМы плохие.

В этой связи хочу поспорить с симпатичным мне Александром Наумовичем Тубельским, потому что он исключительно четко и талантливо обозначил аргументацию, которая лежит в основе отторжения Единого экзамена. Суть здесь действительно не в несовершенстве и не в частных искажениях, хотя КИМы надо совершенствовать. А в том, что советский интеллигент — все мы в той или иной мере советские интеллигенты — по природе своей подпольщик. Это человек, для которого естественно идти против течения, а потому ему комфортно, привычно, когда это течение не может его захватить, поймать, проконтролировать.

И рынок, о котором очень четко сказал Александр Наумович, нам не нравится, не только примитивный денежный рынок, а рынок как система партнерских горизонтальных отношений, где надо отвечать на запрос. Советский интеллигент привык навязывать свою позицию обществу, привык быть мессией, пророком. Вот всему этому — возможности быть подпольным пророком, действовать против течения — и противостоит Единый экзамен.

Хорошо это или плохо — не знаю, это момент выбора. Здесь очень многое зависит от того, как мы оцениваем то, чему учит сегодняшняя школа. Если она учит совсем не тому и не так, то лучше, чтобы результат не оценивался, чтобы можно было от этой оценки ускользнуть. Если же мы предполагаем, что все-таки вектор правильный или завтра будет правильным, то тогда, наверное, ускользать не надо. Если мы видим в себе пророков, мудрецов, которые несут свет темному чудовищному обществу, тогда лучше, чтобы у общества не было возможности оценивать нашу работу.

И никакая научная аргументация, никакая дискуссия не сведет все к общему знаменателю. Во многом это ценностной, политический выбор, связанный с отношением к происходящему в школе и вокруг нее.

Но у нас нет иного пути, кроме пути равноправного сотрудничества с обществом при всех его несовершенствах, которые подталкивают и будут подталкивать к тому, чтобы исказить истину. Значит, надо поступиться своей исключительностью и бесконтрольностью, потому что мы никогда не завоюем союзников даже в таком прозаическом, но важном вопросе, как зарплата учителей, если будем ощущать себя пророками. А пророками-то нас не хотят признавать. Поэтому школу недофинансируют и унижают.

Честно определить уровень, который мы хотим проверять (из выступления И.И. Калины, директора департамента государственной политики в сфере образования Министерства образования и науки РФ)

Мне нравится порядок сегодняшнего обсуждения проблемы. Было бы хуже, если бы мы сначала обсуждали, чему учить, потом — как, потом — в каких условиях, кто учит, за какие деньги и уж потом — что и как проверять. Образование не зря называется системой, потому что, какой вопрос ни затронь, он тут же вытаскивает за собой и остальные — слишком уж прочны связи между любыми элементами этой системы.

Когда-то давно на каком-то всероссийском совещании я сказал, что если планку поднимают на высоту, которую 40% взять не могут, и при этом требуют, чтобы все ее перепрыгнули, то под нее подлезут ужом. Поэтому прежде всего мы должны честно определить уровень, который мы требуем и хотим проверять. Кстати, мы все время говорили, как будем проверять учеников, и никто не сказал, что, возможно, ученики в это время нас тоже проверяют: получили они то, что им положено, или нет.

Мне тоже не нравится постановка вопроса «перестать врать или не перестать». Но, увы, я думаю, что все-таки говорить придется о некоей минимизации вранья, поэтому хорошо, когда есть единые правила.

Есть нормальная система Единого государственного экзамена. У нее, как у любого инструмента, есть недостатки, неточности, но обсуждать здесь само существование этой системы уже просто неприлично — мы давно все обсудили. Однако вводить ЕГЭ в 11-м классе, на мой взгляд, все-таки тактическая ошибка. Понятно, хотели помочь детям из Якутии поступить в Московский государственный университет, но мы не учли, что это самый болезненный момент в жизни ребенка, что в это время решается его судьба, а мы тут с какими-то экспериментами. Наверное, все прошло бы гораздо спокойнее, если бы в неких аналогичных моделях сначала прошло испытание на уровне 9-го класса, когда у ребенка еще есть возможность корректировать свою судьбу.

Поэтому сегодня нам стоило бы вернуться к жесткой государственной аттестации на уровне окончания обязательной ступени по обязательным предметам. Думаю, что и русский язык, и математика, и история России были бы совершенно нелишними на этом уровне с предоставлением выбора еще нескольких предметов самому учащемуся.

В отношении обучения в 10–11-х классах, могу сказать следующее. Для меня 9 классов — это своеобразная повинность человека перед государством. А вот 10–11-й — это замечательная возможность, которую государство предоставляет человеку. И портить все навязыванием того, как он должен завершить свое образование (при всей необходимости стандартизации и т.д.), вряд ли целесообразно. Понятно, что русский язык должен быть, ибо его сдают во все высшие учебные заведения. При глубочайшем уважении к своему предмету я как учитель математики далеко не уверен, что именно математика делает всех счастливыми. Думается, здесь мы можем предоставить учащимся право выбора предметов, которые ему необходимы, в которых он хочет попробовать свои силы и проверить, как мы его научили. Это может коррелировать с предметами, которые нужны ему для поступления в вуз, а может, и нет. Он взрослый человек, это его личное дело.

Завершение обязательного образования очень серьезный вопрос. Нужна жесткая обязательная процедура, подразумевающая минимизацию выбора предметов, а из чего выбирать — должны решить специалисты. Что касается 11-го класса, я думаю, мы обязаны предоставить молодому человеку право выбора, как ему завершить образование в нашей школе.

В ходе дискуссии: мнения и комментарии

Невыдача аттестатов — радикальная мера, в ней нет необходимости. Но аттестат можно видоизменить: пусть в нем значатся набранные учеником баллы. Если по какому-то предмету он не набрал ничего, этот предмет можно не отражать в аттестате. Однако продолжать образование молодой человек должен с тем, что у англичан называется *prerequisites*. Если выпускник хочет учиться на инженера, у него должно быть 40 баллов или 60 из 100 (это уж как государство установит) по математике и по физике. Если он набрал меньше, перед ним открыта дорога по тем предметам, по которым он показал соответствующие знания

Из выступления Я.И. Кузьмина

Далеко не во всех странах со школой разбираются внешние власти, чаще всего этим занимается школьное самоуправление. В Великобритании был выявлен низкий уровень грамотности после 4-го класса по английскому языку. Тогда там изучили связь уровня владения родным языком и средней заработной платой в 35 лет. Выяснилось, что корреляция полная: кто хорошо говорил на анг-

лийском языке, имел хорошую зарплату, кто плохо — плохую. Как стали бороться за повышение процента? Ввели дополнительный «час грамотности» в начальной школе. Это было непросто. Учителя говорили: «А как же другие предметы?» Нужно было создавать программы для этого отдельного часа. Понадобилось 3–4 года, пока в стране ввели этот «час грамотности».

Из выступления В.А. Болотова

Если бы сейчас был какой-нибудь 1972 год, вышло бы соответствующее постановление ЦК КПСС «О правде в системе образования». Сегодня меня все время подмывало спросить: «А что по этому поводу думает президент?», потому что эта проблема выходит далеко за пределы образования как такового. Она касается места и роли России в ВТО, проблемы рынка труда, проблемы оборонно-промышленного комплекса и т.д., и т.п. Мне как директору школы хотелось бы знать правду об уровне обученности детей. У нас есть закон об образовании, там четко зафиксировано, что мы не вправе переводить ребенка, не освоившего объем первой ступени, т.е. начальной школы, на вторую ступень. Но я вас обману, обману своего районного начальника, районный начальник обманет вас, и опять правды никакой не будет. Как сказал Каспаржак, все равно будем выпускать ЗИЛ-130. Точно.

Великий гуманизм в системе образования сегодня приводит к гигантским потерям во всех остальных системах, вместе взятых. Я прошу прощения за высказывание на политическом, а не профессиональном языке. Даст ли дискуссия эффект в профессиональном или в непрофессиональном сообществе? Предполагаю, что не даст. Дискуссия нужна на таком уровне, где принимаются решения.

Из выступления Е.Л. Рачевского

Мне как педагогу не очень нравится название «Как перестать врать», я предлагаю заменить его на «Как необходимо говорить правду, одну правду и только правду». Учебные программы должны составляться так, чтобы их осваивали 100% детей. Дети, которые имеют недостатки в умственном развитии и не справляются с программой общеобразовательной школы, должны обучаться в соответствующих учебных заведениях. Если устанавливается, что не все дети осваивают программу, то усилия должны быть направлены на то, чтобы вскрыть причины (возможно, условия обучения мешают добиться надлежащего результата).

Из выступления В.Д. Шадрикова

Мы разрабатывали экспериментальный экзамен, который второй год проходит в 9-м классе в некоторых регионах, в частности в Калининградской и Новгородской областях.

Цель этого эксперимента в том, чтобы выработать открытую, объективную, дифференцированную систему оценки ученика.

И первое, с чем мы столкнулись,— это необходимость задавать параметры базовой подготовки ученика. Описание и создание этой базовой подготовки необходимо при создании новой системы аттестации.

Из выступления С.Б. Суровой

В системе, в которой мы живем, невозможно говорить правду. На уровне класса я могу научить своих детей говорить правду, на уровне школы — немножко сложнее. Зачем мы здесь лукавим сами перед собой? В любой системе, какой бы алгоритм мы сейчас ни придумали: проводить экзамены, вводить три типа аттестатов, вообще не выдавать аттестаты,— принципиально невозможно быть абсолютно честными при оценке знаний.

Из выступления Б.М. Давидовича

Подведение итогов заседания (из заключительного слова Я. И. Кузьмина)

Предлагаю, коллеги, набор предварительных выводов, которые мы можем дополнять.

Первое — несколько уровней экзаменов. Единый государственный экзамен по той же математике должен иметь «А» и «В» уровни: для кого математика важна и для кого математика — элемент общего образования. Уровень «А» знаний, компетенций по предмету, важный как элемент общего образования, а не как элемент будущей образовательной траектории, должен существовать, и это вполне реализуемо в наших условиях.

Второе. Разговор о необходимости Единого государственного экзамена в 9-м классе возникает уже который раз, и мне кажется, что сегодня у государства есть ресурсы, чтобы эти инструменты внедрить на более ранних стадиях школы: в 11-м классе уже поздно что-либо поправлять.

Третье, аттестат. Аттестат может включать сумму сданных предметов. Для получения аттестата ученик обязан сдать не менее пяти предметов. Результаты других предметов в аттестат благополучно не помещаются. С этим аттестатом можно идти работать — некоторое образование человек получил. Но продолжать образование можно только с теми предметами, которые значатся во вступительных требованиях соответствующей образовательной программы, будь это программа профессионально-технического училища или Санкт-Петербургского университета.

Четвертое. Широкое развитие добровольного тестирования на уровне всех классов и всех массовых образовательных программ профессионального образования. Учащийся и его семья должны иметь право оценить себя не только глазами единственного учителя. Возможность добровольного тестирования в любой момент исключительно важна. Во многих странах, в Штатах, например, она очень развита. У нашего государства есть ресурсы, есть работаю-

щие образовательные профессиональные порталы, на которых мы можем это организовать. Мы можем это осуществлять через центры тестирования, которые тоже развиты. Можем создать новые инструменты, это не так дорого, но дает уверенность человеку, который прибегает к услугам продавцов доверительного товара, а мы с вами — продавцы доверительного товара. Нельзя на вкус попробовать наше яблоко и понять, червивое оно или нет.

Очень важна репутация. С этим непросто в нашей стране, следовательно, для оздоровления образовательного рынка, для свободного выбора в образовании, нужно внедрять новые образовательные инструменты.

Л.Л. Любимов, первый проректор ГУ-ВШЭ

Дискуссия на заседании РОСРО была достаточно поучительной и весьма всеобъемлющей по спектру затронутых вопросов. Для исторических судеб России и российского образования к наиболее важным можно отнести следующие:

1. Что скрывает наша традиционная аттестация? Честные ответы на этот вопрос лучше даже не публиковать. Потому что это и ложь на всех уровнях о качестве нашего «лучшего в мире» общего образования; и попытка прикрыть свою «наготу» на уровне отдельного директора и отдельного педагога; и попытка спастись от гнева властей, которые могут обнаружить указанную наготу; и борьба за место «в президиуме», за почетное звание, за более высокую категорию. Это и политическая борьба за голоса электората, за властное местечко, за власть в целом. И так далее, и тому подобное.

Из повестки дня дискуссии выпал вопрос, который на Западе шокировал бы любого порядочного гражданина. Я имею в виду вопрос о том, как советская система аттестации породила в эпоху вседозволенности целую индустрию обустройства аттестационного вранья. Зайдите в любой книжный магазин: стеллажи ломятся от прекрасно изданных шпаргалок по любому предмету и для любых экзаменов. Десятки тысяч школьных учителей, доцентов и профессоров обслуживают эту отрасль в качестве репетиторов и коммивояжеров (агентов), авторов многотиражных шпаргальных «энциклопедий». Представить себе подобный уровень безнравственности в университетской системе США абсолютно невозможно. И все это — за пределами наших законов, так как наших законодателей это все не волнует.

Если бы можно было каким-то волшебным образом измерить долю «шпаргальных» ответов в контрольных работах наших выпускников, то 20% ЕГЭ-шного провала по математике показались бы нам крупным достижением. Самые массовые западные оценки нашей образовательной культуры, которую зарубежная профессура наблюдает в поведении наших студентов, выезжающих за рубеж, укладываются в отвратительное слово «cheating» — обман, мошенничество, подлог и т.д. Они же (наши студенты) с первого класса

Вместо
послесловия

подсматривают, подсказывают, списывают! А сегодня мы стесняемся назвать вузы, где можно купить не только бюджетное место для студента, но и докторскую диссертацию вместе с ее защитой и гарантией утверждения в ВАКе.

Думается, сказанного уже достаточно для того, чтобы отказаться от традиционной системы аттестации.

2. Откажемся ли мы от этой системы, и какой будет иная система? Пессимистичный ответ на этот вопрос дал Е.Л. Рачевский — один из мудрейших деятелей отечественного образования. Смысл его ответа лежит в политической плоскости, и состоит он в том, что отказ от старой системы может осуществить только политическая власть, а власти образовательной это не под силу. В этом ответе очевиден огромный жизненный опыт Е.Л. Рачевского, подсказывающий ему, что ничего по необходимости радикальные образовательные власти за последние пятнадцать лет не сделали. Участвовавший в дискуссии представитель Министерства образования И.И. Калина — за выбор. Но в чем он состоит, так и осталось полузагадкой. И поиск отгадки оставлен общественности. Очевидно, новые руководители Минобрнауки приняли технологию «вбрасывания» идеи и предоставления общественности возможности высказаться за основную в своей работе. Думается, что это хорошая технология, поскольку она демократична и превращает в игроков всех, кто хочет участвовать. Однако она может быть и иной, если участников, для которых вранье представляет очевидный личный интерес, много. Совершенно очевидно, что их не просто много, а очень много. Тогда, видимо, прав Е.Л. Рачевский. Однако пусть читатель сам попробует осмыслить дискуссию и поучаствует в ее продолжении.